

«УТВЕРЖДАЮ»

Директор федерального государственного
бюджетного учреждения «Научно-
исследовательский институт теории и истории
архитектуры и градостроительства Российской
академии архитектуры и строительных наук»
(НИИТИАГ РААСН)

Бондаренко Игорь Андреевич,
доктор архитектуры, профессор,
член-корреспондент РААСН
«15» мая 2014 г.

ОТЗЫВ

ведущего научного учреждения на научно-исследовательскую работу Судзуки Юя
«Конкурс на Дворец Советов 1930-х гг. в Москве и международный архитектурный
контекст», представленную к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04. – Изобразительное и
декоративно-прикладное искусство и архитектура.

На протяжении XX века отношение и сам характер изучения советской архитектуры 1920-х и 1930-х – 1950-х годов постоянно менялись. Оценка модернизма и традиционализма и даже собственно признание их существования и места в общей совокупности всех создававшихся сооружений оказывались противоположными в разные периоды столетия. Это было связано с трансформациями в области доминировавшей идеологии, а в последние годы советской эпохи – с общей ситуацией некоторой инерционности мышления. Не секрет, что даже сегодня, по прошествии более чем полувека со времени расцвета архитектуры советского неоклассицизма середины XX века, постройки того времени нередко вызывают заведомо субъективно-негативное отношение и ассоциируются с репрессивным режимом. Только в последние 15-20 лет отечественное и

зарубежное искусствоведение начало окончательно переходить на путь объективного рассмотрения создававшихся произведений зодчества с позиций «чистого искусства». На пути объективизации рассмотрения архитектурного материала 1920-х и 1930-х гг. и в нашей стране, и за рубежом, начинается привлечение методологии теории истории анналов, что позволяет представить архитектурный процесс этих сложнейших переходных периодов во всей сложности и многообразии.

Исследование Юя Судзуки относится именно к той группе работ, в которых делается попытка объективного и всестороннего детального рассмотрения архитектурной реальности 1930-х гг. во всей сложности и противоречивости. Объектом изучения является архитектура проектов конкурса на Дворец Советов в Москве 1931 – 1933 гг. и окончательного варианта 1933 – 1941 гг. Но предмет исследования гораздо шире и касается попытки выявления тенденций и особенностей архитектурного развития 1930-х гг. в СССР и в ряде зарубежных стран. Для этого хронологические рамки работы намеренно расширены: в первой главе (играющей роль вводной по отношению к основному корпусу работы) они охватывают 1920-е гг., а в четвертой главе, применительно к зарубежному материалу, охватывают период первых четырех десятилетий XX века.

В первой главе автор обращается «к феномену идеи создания «главного здания страны» и к образно-стилистическим поискам в архитектуре первых лет советской власти» на примере конкурсов на Дворец рабочих в Петрограде 1919 г. и Дворец труда в Москве 1922-23 г. После разбора программ конкурсов, на основе детального рассмотрения участвовавших в них проектов показана картина сосуществования в этот период различных стилистических направлений, в основном, в русле «романтизированного историзма». В конкурсе на Дворец рабочих в Петрограде наиболее яркими стали работы А.Е. Белогруда в стилистике гиперболизированного неоренессанса и И.А. Фомина в формах изобретенного им стиля «пролетарской классики» или «красной дорики», впоследствии получившего воплощение во многих крупных постройках 1920-х гг. Важно, что при изучении проектов конкурса, которые в сущности достаточно хорошо известны и были не раз опубликованы, японскому исследователю удалось разглядеть много черт, не привлекавших ранее пристального внимания: например, в варианте И.А. Фомина им замечена большая роль скульптурных композиций и символических статуй, чередующихся с выбитыми в камне текстами, задуманными наподобие древнеримских лозунгов и эпитафий.

Проходивший тремя годами позднее конкурс на Дворец труда в Москве традиционно связывается в литературе с первым программным проектом конструктивизма,

выполненным братьями А.А., В.А. и Л.А. Весниными. Однако в реальности преобладающее число из примерно 50 поданных на конкурс проектов были выдержаны в различных вариациях романтизированного традиционализма. Между тем, всё еще актуальным остается утверждение В.Э. Хазановой конца 1960-х годов, что «... сейчас только в узком кругу специалистов изредка возникает интерес к остальным работам конкурса, да и то в связи с творчеством отдельных архитекторов...»¹. Юя Судзуки в своем исследовании обратился к систематическому последовательному рассмотрению значительного числа проектов конкурса Дворца труда, что позволило убедительно продемонстрировать богатейшую палитру существовавших в это время стилистических тенденций от неоренессанса или вариантов неороманики и неоготики до различных ветвей экспрессионизма, романтизации индустриальных мотивов (проект И. Голосова) или футуризма (проект К. Мельникова). Во второй части первой главы, кратко характеризуя итоги ряда других архитектурных конкурсов на крупнейшие сооружения для центра Москвы, исследователь метко подмечает, что даже в середине-второй половине 1920-х гг., в период наибольшего распространения и доминирования в советской России архитектуры авангарда, для реализации нередко выбирались сооружения в стилистике традиционализма и ар деко: таковы здания Центрального телеграфа И.И. Рерберга на ул. Тверской (конкурс 1925 г.) и библиотеки им. В.И. Ленина В.А. Щуко и В.Г. Гельфрейха вблизи Кремля (конкурс 1928 г.). В ряду развернутых выводов к главе выделим весьма справедливое рассуждение об актуальности «нереализованного наследия» конкурсов 1920-х гг. (по выражению С.О. Хан-Магомедова), которое остается «богатейшим собранием экспериментальной архитектуры – источником развития зодчества будущего» (стр. 47).

Вторая и третья главы исследования посвящены собственно детальному систематическому рассмотрению проектов всех этапов конкурса на Дворец Советов 1931-1933 гг. и хода окончательной доработки проекта вплоть до 1941 г. Разделение материала на две главы вызвано не только весьма обширным объемом собранной информации, но и логически оправдано, поскольку 1-й и 2-й туры, разбираемые во второй главе, относятся к так называемому «свободному» периоду проектирования, тогда как разбираемые в третьей главе заключительные заказные 3-й и 4-й туры, с ограниченным числом избранных участников, и процесс кристаллизации окончательного варианта Дворца Советов, проходили в обстановке существенного идеологического давления.

¹ В.Э. Хазанова. Советская архитектура первых лет октября. 1917 – 1925 гг. М., 1970. С. 139-140.

Значительным достоинством работы Юя Судзуки является систематическое рассмотрение каждого проекта отдельно с обязательным разбором планировки, объемно-пространственной композиции, стиля, особенностей решения интерьеров, использования скульптуры. Принципиальным на этом пути является подход к каждому проекту отстраненно от политических и идеологических коллизий тех лет.

Однако исследователь не отказывается полностью от характеристики эпохи: важную роль в структуре работы играет помещенная в 1-м параграфе 2-й главы сводная хронологическая таблица, в сжатой форме раскрывающая напряженность и драматизм политико-идеологических изменений, влиявших на развитие архитектуры. Одновременно убедительно раскрыта вся противоречивость и неоднозначность архитектурной ситуации тех лет, усиливавшиеся противоречия и раскол в рядах советских архитекторов-модернистов с одной стороны, разочарование в идеях конструктивизма студенчества и образование им ВОПРА, и, с другой стороны, усиление позиций академиков-неоклассиков, а также появление промежуточного «третьего направления», близкого по стилистике к ар деко (в лице Б.М. Иофана, А.Н. Душкина и других). Вместе с тем, весьма убедительно на конкретном фактическом материале показано, что, несмотря на официальную переориентацию стиля советской архитектуры после выхода 23 апреля 1932 г. Постановления ЦК КПСС «О перестройке литературно-художественных организаций», в реальности в силу специфичности такого вида искусства, как архитектура, требующего для воплощения сооружений значительного времени, на протяжении 1930-х гг. завершалось строительство крупнейших произведений авангардного направления.

Особым достоинством двух центральных глав диссертации является, наряду с систематическим разбором десятков проектов конкурса и составлением авторской классификации проектов по типам пространственно-планировочных и объемных решений и стилистике, привлечение подлинных источников того времени: широкого круга архивных материалов, касающихся хода проведения этапов конкурса, а также критических публикаций 1930-х гг. Незначительным недочетом можно считать некоторую растянутость изложения формальных особенностей организации конкурса, часть которых можно было бы перенести в примечания.

На основе анализа 15 проектов 1-го (предварительного) тура делается вывод, что они отразили «сложившееся к началу 1931 г. почти полное доминирование авангардного направления зодчества» (с. 92); однако, справедливо подчеркнуто, что «в 1-ом туре ... не участвовали виднейшие представители традиционалистского направления..., и прежде всего, И.В. Жолтовский и его последователи» (с. 93). Особенно интересными стали в

проектах 1-го тура идеи о создании пространств для уличных массовых шествий и театрализованных действий.

Наиболее подробно исследователь рассматривает проекты 2-го открытого международного тура, который явился кульминацией всего конкурса и одним из важнейших событий в истории мирового зодчества 1930-х гг. Из-за большого обилия проектов 2-го тура (более 250), автор разделил их на группы. В первую очередь разбираются имевшие особый статус «заказных внеконкурсных» два десятка работ иностранных авторов, большинство из которых имели к тому времени всемирную известность: Армандо Бразини, Огюст Перре, Ханс Пёльциг, Вальтер Гропиус, Ле Корбюзье, Эрих Мендельсон и другие. Особенностью этой группы проектов с позиции стилистических решений стало приблизительно равное число работ в духе авангарда и различных вариаций традиционализма. Среди объемно-пространственных композиций здесь преобладали горизонтально растянутые комплексы без крупных высотных доминант. Показательно, что один из таких проектов, американского автора Гектора Гамильтона, с «пилонно-лопаточным» оформлением фасадов в духе ар деко, даже получил одну из трех высших премий. После проектов зарубежных мастеров автор обращается ко всем премированным работам, получившим высшую, первую, вторую и третью премии. Более сжато рассмотрен корпус непремированных проектов, которые классифицированы по пространственно-планировочным типам. В выводах автор подчеркивает, что за исключением группы из трех проектов, удостоенных высшей премии (Гектора Гамильтона, И.В. Жолтовского и Б.М. Иофана), которые в большей или меньшей степени продемонстрировали приверженность традиционализму, преобладающее число всех других работ (около 200) были выполнены в стилистике модернизма. Автор убедительно показывает, что это богатейшее собрание идей в русле экспериментальной архитектуры до сих пор мало изучено и оценено. Между тем, и премированные, и значительная часть остальных проектов, обладают выразительностью, яркостью и разнообразием образно-пространственных решений.

При рассмотрении в третьей главе итогов 3-го и 4-го туров показано, что наряду с определенным числом работ, выполненных в стилистике новаторского зодчества (проекты М. Гинзбурга, Н. Ладовского, братьев Весниных), на этом этапе стали преобладать вариации, основанные на использовании форм архитектурного наследия прошлого. Не отрицая общеизвестных фактов административно-командного давления «сверху» на процесс проектирования в рамках этих туров, Судзуки обращается не к идеологическим вопросам, а к выявлению формально-эстетических достоинств многих работ, которые так же до сих пор мало оценены – это, в частности грандиозные по масштабу и

изобразительной мощи замыслы А.В. Щусева и И.В. Жолтовского в духе штудий Пиранези. В заключительной части третьей главы подробно, с привлечением широкого круга архивных источников, разбирается ход сложения окончательного варианта Дворца Советов. Автор, пожалуй, впервые в отечественной искусствоведческой науке, особенно подробно и аргументировано останавливается на теме влияния на финальный проект Дворца Советов практики строительства небоскрёбов США – использования не только инженерных технологий, но и собственно стилистики, которые в этот период подробно изучались Б.М. Иофаном и его соавторами в ходе ряда специальных заграничных командировок.

Последняя четвертая глава исследования «Архитектура первых четырех десятилетий 20 века в Германии, Италии, США, Японии. Феномен многостилья и «официального стиля в мировом зодчестве 1930-х гг.», на первый взгляд, могла показаться избыточной при обилии материала трех первых глав. Однако аналитический обзор особенностей стилистического развития зодчества ряда стран, безусловно, значительно расширяет общую картину мирового архитектурного процесса и позволяет рассмотреть конкурс на Дворец Советов не изолированно, а в рамках международного контекста. Справедливым, хотя и отчасти неожиданным, представляется утверждение, что обобщенно архитектурную реальность первых четырех десятилетий XX века можно определить как продолжающийся процесс многостильного развития, где архитектура модернизма являлась только частью, а к началу 1930-х гг. переживала определенный кризис, созвучный кризису архитектуры начала XXI века. В качестве замечания хочется отметить излишне описательный характер параграфа, посвященного архитектуре Германии.

В Заключении диссертации подводятся основные итоги исследования и подчеркивается чрезвычайная актуальность этого материала для нашего времени – при чем, не только для искусствоведческой науки, но и для практики проектирования.

Высказанные замечания никоим образом не умаляют большого научного значения работы Ю. Судзуки. Особо хочется отметить отрядный факт, что за эту сложнейшую, далеко не исчерпанную в одной диссертации, тему взялся не отечественный исследователь, а представитель Японии, которому хочется пожелать продолжения исследований и подготовки монографии к публикации.

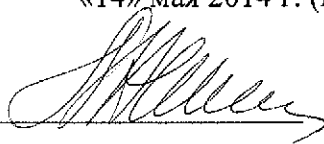
Диссертация Судзуки Юя заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата искусствоведения по специальности «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура» (17.00.04). Текст исследования соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий» ВАК РФ.

Автореферат соответствует тексту диссертации, основные итоги исследования опубликованы в 9 научных статьях, в том числе в трех статьях в журналах из списка ВАК.

Настоящий отзыв составлен доктором искусствоведения Нащокиной М.В., обсужден и принят Отделом Архитектуры Нового времени Федерального государственного бюджетного учреждения «Научно-Исследовательский Институт Теории и Истории Архитектуры и Градостроительства Российской Академии Архитектуры и Строительных Наук» (НИИТИАГ РААСН)

«14» мая 2014 г. (Протокол № 3)

доктор искусствоведения, (Нащокина М.В.)

главный научный сотрудник НИИТИАГ РААСН, Заведующая Отделом Архитектуры Нового времени, Член-корреспондент РААСН

Подпись М.В. Нащокиной

Начальник отдела
Вовченко И.В.

О Т З Ы В официального оппонента

о работе Судзуки Юя «Конкурс на Дворец Советов 1930-х годов в Москве и международный архитектурный контекст», представленной на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Представленная к защите диссертация Судзуки Юя является итогом нового исследования и нового осмысления истории проектирования грандиозного архитектурного комплекса Дворца Советов СССР, осуществлявшегося поэтапно в ходе целого ряда конкурсов начала 1930-х годов.

Углубленное и разностороннее изучение теоретического и творческого наследия эпохи архитектурного модернизма продолжает оставаться и сегодня одним из самых важных и актуальных направлений мировой исторической науки. Многочисленные выставки коллекций Музея им. А.В.Шусева с неизменным успехом проходившие за рубежом на протяжении последних двух десятилетий, издаваемые на их материалах солидные каталоги открыли архитектуру советского периода для мировой исторической науки. На страницах знаменитых выпусков Пинакотeki ученым разных стран представлялась возможность ставить и обсуждать общеинтересные вопросы. Так возникало некое дискуссионное пространство, в котором свободный обмен мнениями создавал предпосылки для совместной исследовательской работы над становящимся историей XX веком. Известный историк и педагог Анатолий Гуревич, когда студенты спрашивали его о правомерности употребления слова «развитие» по отношению к исторической науке, он отвечал: «Историческая наука развивается благодаря умению последующих поколений задавать ей новые вопросы». И действительно, оживившийся в последнее время на Западе интерес к профессиональным проблемам архитектуры советского периода подогревается напряженными поисками ответов на вызовы современности. Примером может служить тематика

Венецианских архитектурных бьеннале последних лет и девиз проходящей в настоящее время архитектурной выставки в Вене и Франкфурте на Майне («Architectures for a Better World»), который призывает: «Мыслить глобально! Строить социально!» («Think Global! Build Social!»).

Диссертация Юя Судзуки теснейшим образом связана с актуальной проблематикой искусствоведения, одним из направлений которой является изучение эпохи модернизма. Развитие данного направления в отечественной архитектурно-исторической науке проявляется в обновлении, то есть дополнении и пересмотре всей фактологической базы и, главное, в новых векторах проблематизации, то есть выявлении актуальных аспектов рассмотрения архитектурных процессов первой половины XX столетия и поисках новых подходов к разрешению возникающих вопросов.

Исследование Юя Судзуки по избранной теме, поставленным задачам и методам их решения находится целиком в русле данного направления, а по результативности - вносит существенный вклад в его развитие. Детальное изучение проектных материалов масштабного, этапного для архитектуры советского периода конкурса становится ключом к раскрытию и пониманию особенностей «сложной и неоднозначной “архитектурной реальности” конца 1920-х – начала 1930-х годов». Одновременно широко развернутая диссертантом в специальных главах картина синхронно происходивших событий архитектурной жизни Германии, Италии, США и Японии дает возможность сопоставления «архитектурных миров» двух систем и выявления не только различий, но и общих закономерностей глобального исторического процесса архитектуры первой трети XX столетия.

Научная новизна диссертации заключается в целостности видения предмета исследования. Работа открывается главой, посвященной архитектурным конкурсам на крупные общественные здания конца 1910-х – 1920-х годов, рассматриваемым как предшественники конкурса Дворца Советов. При анализе материала автор старается избегать упрощений,

односторонних позитивных или негативных клишированных оценок.

Материалы первых конкурсов рассматриваются в двух аспектах: о новом типе крупного общественного сооружения и о роли, методах проведения и конечных результатах архитектурных конкурсов.

Проследивая историю возникновения идеи создания главного общественного сооружения нового государства, автор признает лишь отчасти справедливым суждение современного критика о том, что идея гигантского «Дворца» для собраний революционных масс является порождением амбициозной идеологии большевизма. Как известно, идея крупного общественного сооружения нового типа имеет свою предысторию. Она восходит и к серии «Альпийская архитектура» Бруно Таута (1918), где сооружения космических масштабов предназначены для нового сообщества людей, основанного на идеях социальной гармонии, и к «собору будущего» Вальтера Гропиуса, метафорический образ которого можно видеть на обложке манифеста Баухауза (Лионель Фейнингер, 1919).

Опыт проектирования нового типа общественного здания, предшествующий конкурсу на проект Дворца Советов, анализируется автором в разных аспектах на примере конкурсов Дворца Рабочих в Петрограде (1919) и Дворца Труда в Москве (1922-1923). Наиболее важными мне представляются следующие аспекты. Первый, касающийся разработки функциональной структуры комплекса, выявляет тенденцию к усилению «идеологической составляющей», что проявляется в увеличении административной части здания и количества огромных залов, предназначенных для проведения съездов, массовых действий, и одновременно в уменьшении площадей, предназначенных для библиотек, кружковых и спортивных занятий, художественных студий. Выявленная тенденция важна, поскольку в дальнейшем закрепляется в программе конкурса на проект Дворца Советов. Второй аспект связан с попыткой автора объяснить не только наметившиеся уже в ранних конкурсах изменения функциональной структуры, но и меняющиеся представления об образности сооружений

такого типа, когда в условиях гражданской войны амбиции массового общества и его идеологические установки предельно упрощаются и выражаются в агрессивном способе самоутверждения. Отсюда суровая лапидарность монументальных архитектурных образов в проектах Дворца Труда, пришедшая на смену эффектной дворцовой архитектуре петроградского конкурса. В ходе исследования автор отмечает дальнейшее усиление политической составляющей в назначении сооружения, которое превращает «дворец» в символ власти, что будет закреплено условиями конкурса на проект Дворца Советов.

Третий аспект отмечен новым методологическим подходом к изучению проектного материала, он заключается в понимании модернистской парадигмы как диалога авангарда и классики. С равным вниманием рассматривает диссертант проекты разных архитектурных направлений и представляющих их мастеров. Это дает возможность представить весь спектр разнонаправленных поисков, всю «богатейшую стилистическую палитру», а также фиксировать не только преобладание одной из них на разных этапах конкурсного проектирования, но и обнаружить в конвергентных явлениях сложносоставной системы художественной интеграции влияние формальных открытий авангарда на весь формообразовательный процесс.

Уже на первой стадии изучения конкурсного проектирования, диссертант характеризует его специфику в условиях государственного регулирования, когда целью конкурса является не соревнование, а способ выявления и отбор лучших идей, что становится практикой проведения и подведения итогов конкурсов на весь советский период.

Переходя к исследованию проектных материалов Дворца Советов, диссертант дает наглядную и лаконичную характеристику историко-архитектурной ситуации в СССР накануне объявления и в ходе проведения всех туров конкурса в координатах хроники важнейших событий архитектурной жизни страны, начиная с 1928 года.

Проекты первых двух туров анализируются в различных исследовательских ракурсах. Автор использует разные принципы классификации. В одном случае проекты группируются по типу планировочных, объемно-пространственных решений, принципам организации интерьера, в другом – по стилевым признакам, в третьем – по составу участников (советских и иностранных архитекторов), в четвертом – по премированным и не премированным. Благодаря разным способам классификации исследователь получает возможность по достоинствам оценить концепционный потенциал активного «мозгового штурма», созданный усилиями большого числа советских и выдающихся мастеров мировой архитектуры, представляющих разные страны, школы и стилевые версии. Прибегая к тщательному и разностороннему анализу, диссертант впервые дает возможность оценить значимость этого события в истории мировой архитектуры. Он убедительно доказал, что это конкурс, которому участие О. Перре и А. Бразини, Г. Гамильтона и Й. Урбана, Х. Пёльцига и Э. Мендельсона, Ле Корбюзье и В. Гропиуса, К. Мельникова, А. Ладовского, И. Леонидова, бр. Весниных и М. Гинзбурга не только придало статус международного, но и позволило войти в историю как ярчайший феномен международного творческого сотрудничества.

Осмысление зарубежного опыта и сопоставление его с процессами, происходившими в советской архитектуре, в главах диссертации, посвященных архитектуре Италии, Германии, США и Японии, дало возможность исследователю с большим основанием судить об общих проблемах архитектуры 1930-х годов и одновременно об острых противоречиях отечественной архитектуры, существовавшей в условиях тоталитарной политической системы.

На основании сказанного можно с уверенностью констатировать, что данное исследование вносит существенный вклад в изучение архитектуры XX столетия. Одним из главных его достоинств является новационная методологическая основа, которая носит междисциплинарный характер и

позволяет в более широком географическом и хронологическом диапазоне, рассматривая изучаемый феномен в общемировом контексте.

К защите представлен капитальный труд, опирающийся на глубокое и разностороннее изучение самого объекта исследования, обширного круга проектных, документальных, литературных, а также других источников и являющийся логичным обобщением целенаправленных, последовательных публикаций автора.

Наш замечательный соотечественник С.О.Хан-Магомедов, на которого часто ссылается диссертант, любил повторять: «о терминах, не спорят, о них договариваются». В заключение мне хотелось бы пожелать исследователю в дальнейшей работе над вопросами стилистики архитектуры эпохи модернизма, не характеризовать архитектурные аллюзии и ассоциации в категориях стиля. Не случайно Ф.-Л.Райт рекомендовал учить «не приемам, а принципам», потому что принцип формообразования в модернизме один, и основывается он на «реконструкции» традиционных форм с помощью формальных открытий авангарда.

Мой комментарий не следует воспринимать как указание на недостаток в работе, которая, бесспорно, представляет собой оригинальный завершённый текст и полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий» ВАК РФ, а её автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата искусствоведения. Автореферат полностью соответствует тексту диссертации, основные итоги диссертационного исследования опубликованы в 9 научных статьях, в том числе в трех статьях в журналах из списка ВАК.

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, профессор,
главный научный сотрудник ИИИ теории и истории
изобразительных искусств Российской академии художеств

15.05.2014

Малинина
Зам. директора
ИИИ ИИИ РХХ *Малинина*
по кадрам *Н. Малинина*

ОТЗЫВ

**Официального оппонента о работе СУДЗУКИ Ю.
«КОНКУРС НА ДВОРЕЦ СОВЕТОВ 1930-х гг. в МОСКВЕ и
МЕЖДУНАРОДНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ КОНТЕКСТ»**

**представленной на соискание ученой степени кандидата искусствоведения
по специальности 17.00.04
Изобразительное, декоративно-прикладное
искусство и архитектура**

Актуальность выбранной диссертантом темы не подлежит сомнению, более того, множеством исследователей последнего десятилетия это ключевое архитектурное событие предвоенной архитектуры было принято использовать как важнейшую реперную точку дальнейшего анализа, но без глубокого сущностного рассмотрения, не политических, но именно архитектурных аспектов его проектирования. Это важно не только в историческом и искусствоведческом аспектах, но и с практической стороны — в проектировании общественных комплексов и сооружений, в организации архитектурных конкурсов.

Выбор поставленных задач полностью оправдан — существенно именно отстраненное от стилистических и вкусовых позиций рассмотрение архитектуры конкурсных и финального проектов Дворца Советов, трактованного не только как символического объекта, но и крупнейшего зрелищного общественного здания. Эта типология получила бурное развитие в рассматриваемый период, но не до конца ещё осмыслена, в отличие, к примеру, от жилья и небольших зрелищных комплексов, таких как рабочие клубы. Почти каждая из проблем, озвученных диссертантом, могла бы быть темой отдельной монографии, столь широка проблематика, непосредственно связанная с главной темой работы.

Объем проанализированного материала, его многоаспектность и ширина спектра рассматриваемых вопросов требует подробного представления самих материалов конкурса на Дворец Советов, поэтому членение основного текста диссертации на четыре полновесных главы совершенно оправданно.

Ценен взгляд автора на конкурс, взятый к рассмотрению будто бы в первый раз, это же и обосновывает посвящение первой главы архитектурным конкурсам на Дворец рабочих в Петрограде и Дворец труда в Москве. Исследователь обращает основное внимание на конкретные архитектурные качества и формотворческие аспекты конкурсных проектов, оставляя за скобками оценку стилевых особенностей. Это принципиальная позиция автора, ищущего истоки стилистики Дворца Советов в наиболее поисковом, экспериментальном, не связанном прагматикой этапе развития отечественной архитектуры общественных зданий. По этой же причине автор не углубляется в анализ возникновения и особенностей типологии дворца культуры, рабочего клуба и народного дома, используя на протяжении всего текста преимущественно первым термином, а последний (хронологически наиболее ранний) вообще не употребляет.

В качестве замеченных недостатков стоит отметить, положение о какой-то особенной специфике стилевой смены на рубеже 1930-х (включая здесь и обобщенные вкусовые оценки), не подкрепленное более чем убедительной в остальном аргументацией. Это, одно из ключевых в разделе актуальности работы положений несет вполне определенную моральную оценку, не отвечая меж тем реально проделанного диссертантом исследования и его

выводам. Такое рассуждение несколько смещает фокус внимания с архитектуроведческого анализа в сторону политологии. К чести диссертанта, в дальнейшем он остается верен нейтральной точке зрения.

Недостаточное внимание автора к проблемам собственно стилистического поворота 1930-х годов в мировом масштабе, на мой взгляд, простительно — эта задача для отдельного большого исследования, вклад диссертанта в подготовку которого представляет неоспоримую ценность.

В работе методично рассматривается морфологическая специфика конкурсных проектов Дворца Советов, что чрезвычайно ценно ввиду того, что в последние десятилетия изучение архитектуры 1930-х годов, особенно советской, проходило под сенью культурологических и политологических интерпретаций, иногда не лишенных даже вульгарного психологизма. Выправить этот крен — одна из задач, успешно решенных диссертантом.

Поставленные в начале работы задачи в целом адекватны гипотезе и намеченным целям исследования. Особенно ценно рассмотрение программ проектирования Дворца советов в контексте архитектурных конкурсов послевоенных лет.

Высокой оценки заслуживает привлечение автором архивных материалов, прямые цитаты документов, перечни требований к проектированию, списки участников мероприятий, пояснительные записки к проектам и т. п. Это несомненный вклад диссертанта в науку, причем, не менее важный, чем аналитическая часть работы.

Чрезвычайно важно включение в работу альбома оригинальной проектной графики, а также — хронологических таблиц, составленных автором, облегчающих восприятие компаративистской части исследования.

К сожалению, из рассмотрения выпали почти синхронные началу проектирования Дворца советов конкурсы на крупные зрелищные здания, такие как Театр массового действия в Харькове, Дом науки и культуры в Новосибирске, театр в Иваново-Вознесенске и другие. В первом конкурсе, как известно, принимали участие и ведущие западные зодчие. Тем не менее, сама логика повествования диссертации предполагает сосредоточенность на Дворце Советов.

В части, посвященной зарубежному влиянию, наибольший интерес представляет раздел, в котором рассматривается использование американского архитектурного и инженерного опыта советскими зодчими. Любопытен также анализ избранных критических откликов в западной прессе — здесь недостает итальянских или германских источников, но при данной постановке задачи это простительно.

Подводя итоги, надо сказать, что диссертант проделал значительную работу по систематизации и осмыслению конкурсных проектов Дворца Советов — как он справедливо отмечает, важнейшего в рассматриваемую эпоху архитектурного конкурса.

Некоторые выводы даны вскользь, к примеру, вывод о влиянии архитектуры конкретных нью-йоркских небоскребов представляет собой лишь общую констатацию этого факта.

Перечисленные недостатки, скорее свидетельствуют об обширности и глубине темы, чем снижают общее высокое качество диссертации, и ее исключительную ценность для истории отечественной архитектуры. Научные положения и выводы в достаточной степени обоснованы и правомерны, а высокая квалификация соискателя как исследователя несомненна, что подтверждают и публикации, выполненные в процессе исследования.

Диссертация Судзуки Юя заслуживает присуждения ему степени кандидата искусствоведения по специальности «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура» (17.00.04). Текст исследования полностью соответствует требованиям «Положения о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий» ВАК РФ.

Автореферат полностью соответствует тексту диссертации, основные итоги исследования опубликованы в 9 научных статьях, в том числе в трех статьях в журналах из списка ВАК.

Ученому совету следует рекомендовать диссертанту подготовить на основе текста диссертации обширную монографию, посвященную разработанной им теме, как минимум, на двух языках (русском и английском) и с включением большого числа графических работ из фондов ГНИМА им. А. В. Щусева и других собраний.

Н. Ю. Васильев

Кандидат искусствоведения (18.00.01)

Московский музей дизайна, куратор

Москва 111401, 3-я Владимирская ул. 9 к.2 кв. 36

15 мая 2014 г.

А. А. Санькова
директор

